

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-16-22

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 336.741.2:003.62:16

Дата поступления: 20.12.2024

рецензирования: 20.01.2025

принятия: 01.03.2025

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова,

г. Абакан, Российская Федерация

E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5534-7931>

Проблема значения в семиотике денег

Аннотация: в статье обобщаются основные подходы, решающие проблему значения денежных знаков. Семиотика денег рассматривается в контексте их связи с естественным языком и в контексте их существования как культурного символа. Целью работы является нахождение оснований, позволяющих разрешить противоречие в теории значения денежных знаков. С одной стороны, в классической интерпретации значением денег объявляются все предметы и действия, имеющие количественную ценность. С другой стороны, современное виртуальное функционирование денег приводит к мысли, что они являются замкнутой самореферентной системой, не отсылающей ни к чему. Значение денег, таким образом, оказывается в фокусе от ничего до всего. Методология исследования базируется на принципах прагматической семиотики, в соответствии с которыми необходимо выделять три уровня семиозиса денежных знаков: семантику, прагматику и синтактику. В статье показано, что два обозначенных крайних подхода сводят семантику денег либо к синтаксическому, либо к прагматическому аспекту. При этом в обоих подходах прослеживается идея финансового мира, концептуализированная в духе платонизма. В статье делается попытка обоснования синтетического подхода, в рамках которого деньги не замыкаются на самих себя, но при этом и не отсылают к предметной действительности.

Ключевые слова: семиотика денег; проблема значения; семантика; прагматика; синтактика; симулякр; возможность; долг.

Цитирование: Никитин А.П. Проблема значения в семиотике денег // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-16-22>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Никитин А.П., 2025

Антон Павлович Никитин – кандидат философских наук, доцент, Институт истории и права, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, 655017, Российская Федерация, г. Абакан, проспект Ленина, д. 90.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.P. Nikitin

Katanov Khakass State University,

Abakan, Russian Federation

E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5534-7931>

The problem of meaning in the semiotics of money

Abstract: the article summarizes the main approaches to solving the problem of the meaning of money. The semiotics of money is considered in the context of its connection with natural language and in the context of its existence as a cultural symbol. The aim of the work is to find grounds for resolving the contradiction in the theory of the meaning of money. Firstly, in the classical interpretation, the meaning of money is all objects and actions that have quantitative value. Secondly, the modern virtual functioning of money implies the idea that it is a simulacrum, an unbacked and self-referential sign. Thus, the meaning of money is indicated in focus from nothing to everything. The research methodology is based on the principles of pragmatic semiotics. In accordance with these principles, it is necessary to distinguish three levels of the semiosis of money: semantics, pragmatics and syntactics. The article shows that the two extreme approaches outlined reduce the semantics of money to either the syntactic or the pragmatic aspect. Both approaches contain the idea of

a financial world conceptualized in Platonic terms. The author attempts to substantiate a synthetic approach, within which money is not self-referent, but at the same time does not refer to objective reality.

Key words: semiotics of money; problem of meaning; semantics; pragmatics; syntactics; simulacrum; possibility; debt.

Citation: Nikitin, A.P. (2025), The problem of meaning in the semiotics of money, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 16–22, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-16-22>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nikitin A.P., 2025

Anton P. Nikitin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Institute of History and Law, Katanov Khakass State University, 90, Lenin Prospekt, Abakan, 655017, Russian Federation.

Введение

Семиотика денег на данный момент – целостное и устоявшееся явление в социально-гуманитарных науках со своей традиционной проблематикой, концептуально-методологическим аппаратом и сложившимися направлениями исследования. Несмотря на то, что семиотические подходы при анализе экономических феноменов стали применяться сравнительно недавно (со второй половины XX в.), рассмотрение денег как знаков и в системе знаков обычно ведется с финансовых теорий номиналистического толка XVII–XVIII вв. Дж. Беркли выразил суть этих теорий простым вопросом: «Надо ли рассматривать деньги как то, что обладает внутренней ценностью, или же как товар, мерило, обязательство, о чем пишут на разные лады? И разве не является в сущности истинной идеей денег как таковых идея билета или жетона для счета (counter)?» (Беркли 1978, с. 511).

При этом понимание условности функционирования денег и отсутствия у них объективно заданной значимости можно обнаружить уже у Аристотеля, который писал: «Стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу» (Аристотель 1983, с. 392). В эпоху схоластики под его влиянием деньги также рассматривались не только как качественно ценные предметы, но и как результат общественного соглашения, закрепленного властью государства.

В современной семиотике проблема денег как знаков получила новое звучание благодаря двум факторам: привлечение прагматической методологии в анализе знаков (Ч.С. Пирс и Ч.У. Моррис), а также актуализация постмодернистской концепции денег как симулякров, опирающейся в первую очередь на работы Ж. Бодрийяра. Популярность такого взгляда на деньги была тесно связана с эволюцией самих денежных форм, поскольку в экономической реальности второй половины XX – начала XXI вв. сложилась так называемая виртуальная финансовая система. Сам факт того, что деньги можно просто напечатать или воспроиз-

вести их существование с помощью компьютерного кода породил множество соответствующих концепций, пытающихся убедить аудиторию, что деньги – это некоторого рода матрица, симуляционная система оценивания действительности, с последней никак не связанная. В этих условиях проблема значения стала одной из центральных в семиотических исследованиях денег.

Ход исследования

Рассмотрение денег как знаков очевидным образом ставит вопрос о том, что они обозначают. Не вызывает особых возражений утверждение, что их значение произвольно, но вызывают споры обстоятельства появления такой коллективной воли. Выражаясь в терминах Дж. Серла, можно сказать, что само функционирование денег является фактом эпистемологически объективным, но онтологически субъективным (Searle 1995). Находятся люди, которые желают отказаться от денег, но когда они садятся в общественный транспорт, то должны расплатиться за проезд именно деньгами (эпистемологическая объективность), то есть отдельные индивиды не могут отменить финансовую деонтологию (в случае, если не наделены соответствующими властными полномочиями). С другой стороны, трудно представить, что деньги могли бы существовать без людей (онтологическая субъективность), они являются результатом социального конструирования.

Произвольность значения характерна не только для денежных знаков, и в принципе неудивительно, что в семиотических исследованиях распространенной стала аналогия между деньгами и естественным языком, денежными единицами и словами (Зенкин 2019, Никитин 2016). В качестве примера можно указать на один из известных споров в философии языка по поводу того, отсылают ли слова напрямую к действительности, благодаря чему люди подразумевают одни и те же референты и тем самым могут вступать в коммуникацию, или же значение слов и высказываний приобретает в результате коммуникативного процесса, в котором присутствует элемент неопределенности, что в аналитической традиции называется языковой игрой. В большой степени упрощения этот спор

сводится к вопросу: является ли значение слова зафиксированным указанием или же контекстуальным процессом, в котором слово применяется? Что первично – связь слова с действительностью, благодаря чему возможна коммуникация, или сама коммуникация, благодаря которой конструируется значение слова?

Если же обратиться к истории экономической мысли, то легко заметить, что основной спор по поводу происхождения и природы денег заключается в поиске их первичной функции. Указывается либо функция обмена (коммуникативный акт), на чем настаивает классическая традиция, либо функция платежа и обозначения долга (акт референции), что пытаются доказать неклассические направления в экономике. Собственно, перед нами переформулированный спор о значении слова в виде спора о функциях денег: что первично – обязанность платить, из которой вырастает возможность использовать долг в процессе обмена, или обмен, благодаря которому возникает возможность оплачивать товары определенными единицами?

Данный пример иллюстрирует, что в процессе интерпретации денежных знаков понимание их произвольности обуславливает появление вопросов, аналогичных тем, что существуют в философии языка. Но проблема значения денег выходит далеко за пределы лингвистического дискурса. Она может считаться одной из центральных в рамках попыток понять сложность современного общества и современной культуры. Это вовсе не преувеличение, если учитывать значимость денег в повседневной жизни и их символическую роль в эпоху постмодерна. В осмыслении денег обнаруживается крайняя полярность суждений и коннотаций (Никитин 2014). Сложившиеся подходы в решении проблемы референции денежных знаков отражают указанную тенденцию. По сути, спор вертится вокруг бинарной оппозиции: всё или ничего. То есть первый подход обосновывает, что деньги обозначают все явления этого мира, имеющие ценность, а во втором подходе утверждается, что деньги не обозначают ничего, кроме самих себя, они существуют в качестве самореферентной системы.

Рассмотрим первую крайность в понимании значения денег, в соответствии с которой они унифицируют все объекты реальности. Утверждение, что в деньгах можно оценить мир во всем разнообразии его форм, отражено в обыденном представлении, в соответствии с которым за деньги можно все купить. Признание этой точки зрения в очередной раз роднит деньги с языком, ибо трудно помыслить ситуацию, в которой у людей нет возможности обозначить что-то с помощью слова. Даже если человек сталкивается с каким-то неизвестным ему явлением, он способен создавать

неологизмы, чаще всего используя комбинации лексем и морфем. А может использовать и традиционный для него словарный запас, используя, к примеру, обобщающее понятие «вещь». В этом отношении у денег есть свои недостатки, поскольку если бы индивид пытался количественно оценить незнакомый ему предмет, то перед ним бы встала очевидная проблема критериев такой оценки. Чаще всего мы даем оценку стоимости вещей в сопоставлении с подобными рода предметами, если же вещь уникальна в своем роде, то и ее стоимость может определяться в очень широком диапазоне. Пожалуй, мир искусства и мир моды демонстрирует это в полной мере, поскольку высокая стоимость предметов в этих сферах чаще всего обусловлена эксклюзивностью.

Сторонники такого подхода предлагают решать проблему значения денег с позиции прагматической семиотики с ее делением на семантику, синтактику и прагматику. Прагматическая сторона при этом является базовой. Выделяется три тезиса: 1) У каждого явления в мире есть своя объективная ценность, которую можно выразить в денежном эквиваленте. Семантика всех денег – это умозрительный предел всех актуальных и потенциальных ценностей нашего бытия (скорее всего, бесконечный). 2) Синтаксический срез предполагает, что данную количественную бесконечность мы можем выражать разными качественными субстратами и переводить эти субстраты друг в друга. Пример качественных субстратов (но не единственный) – наименования национальных валют. 3) Прагматика денег определяет, что каждый человек может приобрести за определенную сумму. Если в распоряжении у субъекта 1000 рублей, то значение этой суммы определяется прагматически через вопрос – какую часть ценностей он может купить на эти деньги? То есть прагматика денег в каждом индивидуальном случае дробит этот мир, вычленив в нем то, что может принадлежать субъекту. В слове предметы охватываются мыслью, в деньгах предметы охватываются ценой.

Иллюстративно прагматическая концепция значения денег описана В.А. Лукиным в следующей ситуации: «Когда человек тратит деньги, он делает выбор в пользу одного из равноценных объектов, входящих в экстенционал денежного знака. Так, скажем, на Великолукском железнодорожном вокзале в 2011 году за 50 рублей можно было купить либо бутылку пива, либо пачку сигарет, либо дешевый детектив. Тот объект, который владелец 50 рублей выбирает из ряда других, включенных в экстенционал банкноты, и в обмен на который отдает ее, – референт данного денежного знака» (Лукин 2013, с. 277). Данная статья посвящена не инфляции, но все же стоит отметить, что в 2025 г. перед этим же человеком в этом же месте стоит совершенно другой выбор, если

у него на руках только 50 рублей (возможно, выбора вовсе и нет), и бутылка пива, сигареты или книга в экстенционал банкноты не входят. Таким образом, значение денег оказывается весьма ди-นามичным явлением.

Прагматическая концепция значения денег привлекает как своей стройностью, так и соответствием классическим концепциям в экономике. Вместе с тем она порождает множество вопросов, на которые в первом приближении трудно найти адекватные ответы. Первое, к чему стоит отнестись критически, – это идея объективного значения всех денег, идея того, что у этого мира есть своя количественная ценность, которую деньги и выражают. В этой картине происходит удвоение мира – есть сами вещи, и есть их количественная ценность. Обладая какой-либо суммой денег, которая и является формой количественной ценности, индивид способен обратить ее в конкретный предмет, то есть перейти от одного мира к другому, совершить переход от абстрактного к конкретному. Но остается неясным, в каком смысле существует абстрактное, здесь происходит столкновение с традиционной для аксиологии проблематикой соотношения объективного и субъективного в ценностях.

Г. Зиммель, поднимая этот вопрос в своей работе «Философия денег» (Simmel 1900), проводил аналогию между экономической и эстетической ценностью. Особенностью эстетической ценности является то, что она не имеет отношения к практическому аспекту существования объекта или к стремлению обладать объектом. Как он пишет: «Каждый культурный человек способен провести четкое принципиальное различие между эстетическим и чувственным наслаждением женской красотой, даже если он не может провести черту между этими компонентами своего впечатления в конкретном случае» (Simmel 1900, p. 23). С этим можно согласиться, ведь большинство людей способны наслаждаться красотой женщины, не думая о ней как об объекте сексуального вожделения, пусть даже они этой способностью и не пользуются. Для Г. Зиммеля эстетическая ценность не является неотъемлемой частью объекта, но в глазах субъекта имеет автономное значение, ему кажется, что она присуща объекту независимо от восприятия. Аналогично со стоимостью – человек способен различить удовольствие от обладания предметом и удовольствие, получаемое от осознания того, сколько этот предмет стоит. При этом экономическая ценность выглядит объективной реальностью, хотя она является проекцией человеческого волеизъявления. Один субъект назначает объекту цену, эта цена становится выражением ценности, другой субъект рассматривает эту ценность уже как объективную данность, как то, что непосредственно присуще вещи.

Теперь вновь обратимся к вышеупомянутой аналогии денег и языка. Утверждение, что деньги обладают унифицирующей силой, аналогично тезису, что язык в отношении объектов реальности универсален. Но если мало сомнений в том, что язык может обозначить действительно все, то гораздо меньше оснований признать такую силу у денег. Это понимается практически всеми, кто занимается семиотическими исследованиями денег, вне зависимости от того, как они решают проблему их значения. Так, С. Зенкин пишет о том, что за деньги невозможно купить качества, движение, бытие, деньги не могут служить для метаязыкового описания, в деньгах могут измеряться только конкретные факты (Зенкин 2019). Да и с конкретными фактами не все так просто. Есть факты, которые не используются в товарно-денежных отношениях (хотя потенциально могут быть туда вовлечены). Люди дышат воздухом, и пока никто не определяет, сколько это стоит, пинают осенние листья в парках, и никто не выставляет им счет. В ответ на это замечание мог бы последовать аргумент, вновь отсылающий к проблеме объективного значения денег. Да, мы не задумываемся над тем, сколько стоит разбрасывание желтых листьев в парке, но из этого не следует, что у данного действия нет никакой ценности, которую возможно выразить количественно.

Кроме этих проблем, в прагматической концепции обращает на себя внимание переход от признания возможности что-то купить за определенную цену к утверждению, что это что-то обозначается данной ценой. Речь идет о тезисе: то, что мы можем приобрести за 50 рублей, – это экстенционал данного знака; то, что мы в итоге приобретаем, – его референт. Теперь обратимся к обыденной ситуации. Условный индивид покупает в магазине канцелярских товаров карандаш за 50 рублей. Выходя на улицу, натывается на группу молодых людей, которые интеллигентно просят его: «Уважаемый, дайте 50 рублей». Если референтом 50 рублей является карандаш, этот индивид может спокойно его и отдать, но вряд ли группа молодых интеллигентов порадует такому действию. И эта обыденная ситуация сразу показывает нам различие между словом и деньгами: при фразе «Дайте карандаш» люди подают карандаш, а при фразе «Дайте 50 рублей» люди не подают карандаш, даже при условии, что 50 рублей и карандаш равноценны.

И именно этот момент определяет аргументацию тех, кто утверждает, что деньги самореферентны, что они могут отсылать только к другим деньгам, что они – один из ярких примеров симулякров, то есть знаков, не имеющих референтов в реальности. Эта традиция восходит к работам Ж. Бодрийяра (Бодрийяр 2000, Бодрийяр 2015), в целом стала популярной в постмодернистской

философии и литературе, и при этом она весьма созвучна тем явлениям, которые наблюдаются в современной экономике, когда финансовая сфера оказывается доминирующей, мало связанной с реальным сектором экономики. Многие участники экономических отношений поверили, что в обществе постмодерна деньги «делаются из воздуха», что они функционируют сами по себе, что их можно «притянуть», магическим способом «приворожить», что получение денег – это игра, в которой стандарты трудовой этики не работают. И их вера вылилась в действия, которые стали разрушать традиционные экономические институты, укрепляя представление о том, что финансовый мир – это мир, существующий автономно от предметов и процессов чувственной действительности.

Если сравнивать такой подход с универсалистским и прагматическим взглядом на природу денег, то обнаружится явное акцентирование на синтаксическом аспекте существования денежных знаков. 1) Объективных ценностей, выраженных количественно, не существует. Любому предмету мы можем задать цену, варьирующуюся до астрономических сумм, даже обычному карандашу. Наделение стоимостью – это игра, никак не связанная с практической значимостью объекта (поэтому никого не должно удивлять, что приклеенный скотчем к стене банан продается за 6,2 миллиона американских долларов). 2) Синтаксически деньги обращаются друг в друга, и именно этот процесс определяет их значение. Деньги обладают абсолютной ликвидностью, они всегда стоят столько, сколько отражает их номинал. Финансовая система – автономная система, замкнутая на самой себе и не обращенная ни к чему другому. 3) Прагматика денег определяет не то, что каждый человек может приобрести за определенную сумму, а то, какие другие деньги он может привлечь. Если в распоряжении у субъекта 1000 рублей, то значение этой суммы определяется следующим образом – сколько других денег они способны «добыть» для их владельца. В результате и обнаруживается другая крайность – деньги в этой картине не обозначают ничего, кроме самих себя.

Нетрудно обнаружить элементы платонизма как в первом, так и во втором случае. И там, и там наблюдается экономика, состоящая из двух миров – мира вещей и мира количественно заданных ценностей. Расхождение начинается с вопроса о том, насколько эти два мира связаны между собой. Универсалистский взгляд предлагает нам связать их через человеческие предпочтения – обращая деньги в предмет, люди конкретизируют значение определенной суммы; как вещи у Платона воплощают эйдосы, так и товары воплощают денежные суммы. Альтернативный взгляд предлагает нам

разорвать связь между миром финансов и миром вещей, у 1000 рублей нет никаких «копий», деньги в большей степени соответствуют признакам эйдолонов (идолов, призраков), чем эйдосов.

Второму подходу тоже есть что возразить. Если бы эти два мира (мир денег и мир предметов) не были связаны друг с другом, если финансовая реальность – это гиперреальность, то, в принципе, в своей обыденной жизни люди спокойно могут обойтись и без денег. Концепция симулякров демонстрирует нам, что знаки без референтов активно воздействуют на социальные установки и паттерны, но если симулякры будут игнорироваться, то и реальность будет ближе к человеку, его жизнь от этого не пострадает. В качестве примера можно обратиться к миру моды. Да, следование моде является важной частью самопрезентации человека, демонстрации и поддержания его социального престижа. Это также один из способов сформировать представление у окружающих о своем успехе, даже если этого успеха в реальности нет. С другой стороны, огромное количество действительно успешных людей могут абсолютно игнорировать тенденции моды и не чувствовать себя от этого ущемленными. То есть у людей есть возможность выбрать – следовать моде или нет, верить массмедиа или нет, покупать рекламируемый товар или нет и т.д. А теперь зададимся вопросом – существует ли у людей подобный выбор в отношении денег? Если кто-то поверит, что деньги – это симулякр и откажется от них, его реальная жизнь от этого не пострадает? Отвечать на риторические вопросы не имеет смысла.

Таким образом, утверждение, что деньги ничего не обозначают, кроме самих себя, сталкивается с повседневным опровержением данного тезиса. Если бы это было так, то акторы экономических отношений относились бы к деньгам как к монетам в игре «Монополия», но они вынуждены видеть в деньгах источник своего благополучия, и финансовый мир в этом контексте непосредственно связан с реальным миром.

Можно констатировать, что обе крайности в решении проблемы значения денежных знаков, где одним полюсом выступает весь мир, а другим полюсом небытие, выступают в большей степени идеально-типическими конструкциями, сквозь призму которых осмысливается место денег в культуре. У нас есть достаточно оснований, чтобы поставить под сомнение прямую отсылку денежных знаков к предметам мира, но и автономность денег носит лишь технический характер (современные деньги все же остаются виртуальной субстанцией). Если же попытаться найти «золотую середину» между данными полюсами, то существует, по крайней мере, два термина, позволяющие нам справиться с этой задачей.

Во-первых, виртуальность денежной системы заключается в том, что деньги дарят людям не конкретные материальные блага, а чистые возможности, что и является их значением. Почему мы полагаем, что группе молодых людей не понравится, если им вместо 50 рублей дают карандаш? Потому что в этот момент их лишают возможности выбирать, на что потратить эти небольшие деньги. Когда в нашей не столь далекой истории людям выдавали заработную плату так называемой «товаркой», это воспринималось крайне негативно, хотя стоимость товаров была эквивалентна сумме заработной платы. Людей не лишали материальных ценностей, но людей лишали возможности их выбирать. Это важно, поскольку в таком акте социальные акторы также реализуют свою свободу. И для многих быть свободным равнозначно тому, чтобы иметь деньги в достаточном количестве для любого своего выбора.

Во-вторых, дополняющим понятием (но не противоречащим первому пункту), объясняющим значение денег, является понятие долга. Об этом говорит Д. Гребер в своем антропологическом исследовании (Гребер 2024), показывая, что на протяжении человеческой истории именно долг (нравственный, священный, политический, экономический) определял функционирование денег и социальные отношения по поводу их распределения. К. Полањи (Полањи 2007) также показал, что изначально у денег не было никакой универсальной функции, как то полагали классические концепции, указывая на функцию обмена. Функции денег были разделены, но фундаментальной была как раз оплата долга – долга перед властью и перед богами.

Для современной экономической ситуации эти положения обозначают довольно простые отношения. Доверие к фидуциарным деньгам основывается на гарантии государства, которое, благодаря им, распространяет общественное благо среди населения. Что конкретно выбрать из этого блага, выбирает сам человек. Если у него на руках 1000 рублей, он имеет возможность забрать себе часть общественного блага, а остальные держат государственный долг перед ним и отдают его тем способом, который могут предложить, чтобы самим приобрести возможность, выраженную в знаковой форме «1000 рублей».

Подобного рода подход действительно оказывается синтетическим, объединяющим две крайности, которые здесь рассмотрены. Ведь когда мы держим в руках 1000 рублей, по факту никакого материального блага у нас нет (что соответствует утверждению, что перед нами симулякр), но с другой стороны, без больших усилий мы это благо в разных его вариантах можем приобрести (что соответствует универсалистскому взгляду).

Заключение

Как было показано, проблема значения в семиотике денег имеет два радикальных решения, в соответствии с которыми деньги либо охватывают своим существованием весь мир, либо с миром вообще никак не соотносятся. При всех своих недостатках, у этих подходов есть важная функция – они выступают в качестве типологических идеализаций, раскрывающих смыслы денег в культуре, в общественном сознании. Для осмысления символического существования денег всегда была характерна ярко выраженная бинарность, и диалектика бытия и небытия, всего и ничего в их интерпретации лишней раз подтверждает данную тенденцию. Вместе с тем есть и «срединный путь», позволяющий смотреть на деньги не сквозь призму полярных суждений, а сквозь призму их общественного предназначения. Таким способом является указание на способность денег давать людям возможности и распределять долг. Данный подход описывает существование денег уже не сквозь призму противоположностей, а через взаимодействие, где возможность одних предполагает долг других, и наоборот – долг одной стороны предполагает возможность второй стороны.

Библиографический список

- Searle, J.R. (1995), *The construction of social reality*, Free Press, New York, in English.
- Simmel, G. (1900), *Philosophie des Geldes*, Verlag von Duncker&Humblot, Leipzig, in German.
- Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. 830 с.
- Беркли Дж. Сочинения. Москва: Мысль, 1978. 556 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва: Добросвет, 2000. 387 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. 448 с.
- Зенкин С. Слова и деньги: опыт сравнительной семиотики // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 14–22.
- Лукин В.А. Семиотика денег и семиотические аспекты экономического кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 1 (51). С. 274–282.
- Никитин А.П. Божественное и дьявольское в деньгах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2. С. 105–113.
- Никитин А.П. Проблема аналогии денег и языка в ракурсе аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.

логия. 2016. № 4 (36). С. 95–102. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/36/10>.

Поланьи К. Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Москва: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 125–137.

References

Searle, J.R. (1995), *The construction of social reality*, Free Press, New York, in English.

Simmel, G. (1900), *Philosophie des Geldes*, Verlag von Duncker&Humblot, Leipzig, in German.

Aristotle (1983), *Works in 4 vol. Vol. 4*, Mysl', Moscow, Russia, in Russian.

Berkeley, G. (1978), *Works*, Mysl', Moscow, Russia, in Russian.

Baudrillard, J. (2000), *Symbolic exchange and death*, Dobrosvet, Moscow, Russia, in Russian.

Baudrillard, J. (2015), *Simulacra and simulations*, POSTUM, Moscow, Russia, in Russian.

Graeber, D. (2024), *Debt: The first 5000 years*, Ad Marginem Press, Moscow, in Russian.

Zenkin, S. (2019), Words and money: Experiments in comparative semiotics, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 6 (160), pp. 14–22, in Russian.

Lukin, V.A. (2013), Semiotics of money and semiotic aspects of the economic crisis, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1 (51), pp. 274–282, in Russian.

Nikitin, A.P. (2014), Divine and devilish in money, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, vol. 2, pp. 105–113, in Russian.

Nikitin, A.P. (2016), The problem of analogy of money and language in view of analytical philosophy, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, vol. 4(36), pp. 95–102, in Russian, DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/36/10>.

Polanyi, K. (2007), Semantics of using money, «Velikaya transformaciya» Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee, GU-VShE, Moscow, pp. 125–137, in Russian.

Submitted: 20.12.2024

Revised: 20.01.2025

Accepted: 01.03.2025